

НЕЮБИЛЕЙНЫЙ ГОГОЛЬ

Для Гоголя, как и для всех великих художников мира, нет юбилеев в том смысле, что в юбилейные дни вспоминается нечто уважительно-музейное, хрестоматийно-полузабытое, почтительно-академическое, с детских лет знакомое и со школьных лет надоевшее. Для Гоголя, как и для других великих художников мира, юбилей — это лишь более глубинное соотношение с современностью, своеобразный смотр бессмертных уроков, завешанных прошлым настоящим.

Гоголь — это безграничная солнечная стихия лукавого юмора, острокомической реплики, целая теория и практика Смеха как единственного положительного лица сатиры, где каждое обличительное слово, каждый сатирический характер, каждая неожиданная метафора в первую очередь органически смешны, неотразимо остроумны, давным-давно растворены в море народной речи. Гоголь — веселый писатель, умевший смеяться до упаду многих и многих замечательных своих современников, входящий в жизнь каждого следующего поколения как уморительно-веселый рассказчик, как неподражаемый мастер «комического одушевления», по меткому слову Белинского.

Смеяться или не смеяться на гоголевских спектаклях — вопрос не праздный, вопрос принципиальный. Именно здесь происходит водораздел между теми, кто понимал, что с появлением Гоголя в мир вошел великий комедиограф, и теми, кто тянул его к меланхолии, кто хотел залить его «зримый» смех потоком «незримых» слез, становящихся постепенно единственной эстетической категорией в творчестве Гоголя. В знаменитой гоголевской формуле — «смех сквозь слезы» — сначала Смех. Смех как изначальное замысла, основа таланта, принцип мироощущения. Однако уже тогда, когда только складывался образный мир Гоголя, некоторые современники почтительно веселость его не серьезной, не содержащей глубокого взгляда на окружающую действительность.

«Грубой комикой» называли Булгарин и Сенковский гоголевский юмор, «низшим жанром», «грязным комизмом» почитали они «Ревизора». Но подлинные воспреемники «Ревизора» Пушкин и Белинский смеялись, насколько не смущаясь мыслью, что попали под власть «грубой комикой». Смеялся Пушкин и не смеялся барон Розен, который гордился тем, «что когда Гоголь на вечере у Жуковского в первый раз прочел своего «Ревизора», он один из всех присутствующих... ни разу не улыбнулся и сожалел о Пушкине, который увлекся этим оскорбитель-

ным для искусства фарсом и во все время чтения катался от смеха».

Именно Пушкин постоянно говорил о смехе Гоголя как о важнейшем качестве его таланта, неотделимого от других качеств, не противоречащем высокому назначению сатирика. «Сейчас прочел «Вечера близ Диканьки», — писал Пушкин. — Они изумили меня. Вот настоящая веселость, искренняя, непринужденная. Наборщики помирали со смеху, набирая его книгу... Поздравляю публику с истинно веселою книгой». «...Вчера Гоголь читал мне сказку, — записывает Пушкин в дневнике, — Как Ив. Из. поссорился с Ив. Тимоф. — очень оригинально и очень смешно». Или в другом месте: «Все обрадовались этому живому описанию племени поющего и пляшущего... этой веселости, простодушности и вместе лукавой. Как изумились мы русской книге, которая заставила нас смеяться, мы, не смеявшиеся с времен Фонвизина...»

Как важно все это услышать нам, к сожалению, переставшим смеяться на комедиях Гоголя: не уподобляемся ли подчас и мы, наши режиссеры, актеры, критики пресловутому барону Розену? Это означало бы не только не слышать гоголевского в Гоголе, но и не слышать в нем пушкинского, светлого, всеобъемлющего начала, позволившего Гоголю написать лирические отступления в «Мертвых душах», установить свой «нерукотворный памятник» в будуще России.

Гоголь — грозный писатель, потому что, высмеивая «гнусную расейскую действительность» своего времени, он не замкнул свою сатиру в каком-либо одном «периоде». Понятие «гоголевский период» неизмеримо шире мира городничих и хлестаковых.

Гоголь — великий обличитель социальных пороков. Но он велик и другой стороной своего таланта — его душевной углубленностью, его четким адресом — душа человека. Высмеивая чиновников и взяточников своего исторического часа, он и здесь не оставлял раздумий о будущем — в каждом скажется, по его словам, подчас Хлестаков, каждый вдруг ощутит в себе Чичикова и в грядущие светлые времена. Нет, да и воспарит пошлость над благородством, нет-нет, да и мелькнет где-нибудь лисья мордочка Хлестакова, свинное рыло чиновничьей Взятки, мертвая душа скупщика живых человеческих

душ Чичикова. Гоголь и к нам обращал лукавый и грозный свой взгляд.

Гениальность Гоголя состоит и в том, что вместо мгновенного разрешения всех конфликтов он поручает само рассмотрение пороков времени честному смеху.

Обычно принято рассматривать гоголевский смех, как и все его творчество, по этапам. Первый этап — невинный смех «Вечеров на хуторе близ Диканьки»; второй — злой смех человека, опечаленного несовершенством бытия, и, наконец, на третьем этапе — осмысленный, светлый, очищающий смех высокой сатиры в «Ревизоре» и «Мертвых душах».

Но если бы дело обстояло таким образом, что Гоголь сначала смеялся только веселым, а потом только «сатирическим» смехом, то были бы бесследно утрачены великие находки гения на пути эволюции комического стиля. Гиперболическое не вызывало бы веселого смеха. Гротесковое не заставляло бы заразительно смеяться. Светлая улыбка не соседствовала бы с горечью раздражения. Очищающий смех не вел бы к печальному обобщениям.

Постоянно возвращаясь к уточнению роли и смысла Смеха, писатель, по существу, говорил о некоей квинтэссенции своего новаторского понимания идеала. Смех, собранный из разных проявлений человеческой природы, именно собранный, а не разобраный на отдельные составные части, именно гоголевский Смех — как действующее лицо комедии — и составлял в ней живое олицетворение идеала.

Но дорога Гоголя не была только «сатирической». Гоголевское своеобразие состояло в органическом слиянии сатирического с романтическим. Луч яркого дневного солнца вдруг прорежет страшный мрак в «Вие», запоем летит — и исчезнет нечисть. На нечистых своих дорогах прочтет внезапно Чичиков составленный помещиками реестр мертвых душ, единственно живых душ поэмы — и возникнет галерея крепостных людей с их удивительными биографиями и честными рабочими руками. И реестр этот станет своеобразным «солнечным лучом» во тьме чичиковских странствий. Неожиданная фраза вдруг остановит наше внимание в «Вие»: «Он чувствовал, что душа его начинала как-то болезненно ныть, как будто бы вдруг среди вихря веселья и

закружившейся толпы запел кто-нибудь песню об угнетенном народе».

И так же неожиданным будет размышления Чичикова о крепостных, купленных им у разных помещиков. Вот, например, о Степане Пробе, человеке «трезвости примерной... богатый, что в гвардию годился бы! Чай все губернии исходил с топором за поясом и сапогами на плечах». С чего, казалось бы, заняла душа у пьяного философа Хомя Брута, и почему подумалось ему об угнетенном народе в то время, как морочила его всяческой чертовщиной панночка-колдунья? Отчего это именно плут Чичиков стал размышлять о красоте русской народной души, о чудесном мастерстве безвестных печников, плотников, сапожников, прославлявших русский народ? Ни Хомя Брута, ни Чичикову не к лицу эти мысли, эти слова, эти обобщения. Однако Гоголь отдаст все это именно им, сатирическим своим персонажам, становящимся на миг средоточием романтического пафоса, народного мышления, подлинно нравственного озарения. И всюду возникает этот особый гоголевский контрапункт сатирического и романтического.

Луч солнца вдруг ослепительно вспыхивает за черными фигурами чичиковых и городничих, и в тонком этом луче они на секунду становятся тенями, бесплотными, словно растворенными в небытии. Сатира подсвечена у Гоголя прожекторами романтики, но прожектора эти поставлены не в одних лишь лирических отступлениях, а рядом с героями. У Гоголя самобытнейший вид сатиры — романтическая сатира. Его комедии — Героические Комедии, в том смысле, в каком «Божественной комедией» называл свое творение Данте. Для Гоголя не существовало высокопарной романтики, не озаренной смехом, как и смеха, не озаренного восторгом.

Отмечать юбилей Гоголя — это значит учиться у Гоголя понимать развитие гоголевской традиции как создания и собственно комедийного Театра. Театра веселого, грозного, героического, романтического, чуждого мелким задачам маленького быта, театра, всегда соединенного с великими общественными целями, с неизменной верой в свой народ, в нравственные силы своей страны.

И. ВИШНЕВСКАЯ,
доктор искусствоведения,